

АНАСТАСИЯ ЧЕРНОВА

ЗА СТЕНОЙ

РАССКАЗ

Маргарита Федоровна поднималась с трудом по лестнице, сжимая тяжелые сумки. Между третьим и четвертым этажом встретила эта... Почти наскоком — “здрасти”, не разжимая губ, звонкие каблучки легких туфель, белая кофта навывпуск да взвившаяся от плеч прядь темных, покрытых лаком, волос.

От неожиданности Маргарита Федоровна остановилась. Качнула головой.

“Вот, проскакала... — подумала с каким-то тревожным удивлением. — И еще разоделась. Ничего и не скажешь. Разоделась — и только”.

Хлопнула внизу дверь, стихли шаги.

Как звали эту новую соседку, Маргарита Федоровна не знала. Весной, когда таял снег, и черные стволы деревьев разрезали мокрую, в оплывших сугробах даль, а птицы, сбившись в темные комки, кричали громко над крышами, возле подъезда остановилась грузовая машина, из которой вышла молодая женщина с двумя детьми.

Игорь, муж Маргариты Федоровны, как раз окно раскрывал, снимая слой пожелтевшей, липкой бумаги: дом был старый, из окон дуло, и приходилось на зиму их утеплять, прокладывая между рамами вату, обклеивать. С влажной тряпкой, на табуретке — он видел, как носили из машины вещи, чемоданы и узлы, разобранную мебель. А женщина стояла чуть поодаль, наблюдая. На руках она держала девочку. Старший мальчик, лет семи, в красных сапожках и легкой курточке, бежал рядом.

— Марго! — позвал Игорь. — А к нам приехали. Разгружаются!

ЧЕРНОВА Анастасия Евгеньевна родилась в 1987 году в Москве. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор рассказов, публиковавшихся в столичных изданиях. В 2009 году стала лауреатом Литературной премии им. Леонида Леонова, присуждаемой журналом “Наши современники” молодым авторам. Живёт в Москве.

— Так это в ту квартиру приехали? Ну-ну... — Маргарита подошла, встала рядом. — В ту самую.

Воробы кричали на проводах, качались дрожащими пятнами в прозрачном небе, чуть-чуть тронутым синевой облаков. Над крышами, над черными, в язвах сходящего снега дворами, косыми от ветра тополями — они кричали, кричали... Что-то яростное, отважное, но и горькое при этом, бездомное, крылось в их заливном весеннем плаче.

— Значит, приехали. Будут жить, — ответил Игорь.

Его глаза были круглы и равнодушны. Он смотрел в окно. Он смотрел, как радостно бегает мальчик, а водитель что-то говорит, высунувшись из кабины, и шапка его чуть сдвинута набок.

Хотя с тех пор прошло уже несколько месяцев — Маргарита Федоровна так и не узнала, чем занимается новая соседка, где она работает, откуда приехала. Раньше в этой квартире жил строитель, он прокладывал трубы в новые дома, что-то где-то красил... Ночами же он играл на баяне, и это было ужасно. Он еще пел при этом: “о-еее”, старательно, с каким-то болезненным упорством, с мрачной наглостью ограниченного человека. “О-еее” — неслось по этажам, разрывая ночную тишину, и только лампа в оранжевом абажуре горела одиноко на подоконнике.

Сначала строитель продал лампу. Потом — баян. Потом — квартиру. Он исчез, будто растворился между домами, на шумных улицах среди пивных ларьков, ночного неба, топота чужих сапог. Никто и не помнил его — только слепое окно последнего этажа, задернутая шторка, дверь на замке.

— С соседями нам не везет, — любила говорить Маргарита Федоровна. — Понимаете, все они какие-то странные.

Вот и сейчас, разбирая на кухне сумку, она произнесла, уверенно и жестко:

— Не повезло, Агнессе! Знаю их! Гуляют. Направо-налево. А потом: “Ой, я беременна”. И рожают. И дальше гуляют. Туда-сюда. То в бар, то на танцы.

Словно бы в подтверждение за стенкой, у соседей, заплакал ребенок.

— Вот! — победно закончила Маргарита Федоровна. — Видели их!

Из сумки она достала коробку чернослива, куриные котлеты, мороженую рыбу, оливковое масло.

— Торт и конфеты — в другой сумке, Агнессе.

А на плите уже шипела сковородка, пахло сладким теплом пыльных комнат, книгами, чем-то сухим и жарким, быть может, — летом.

Агнесса, подруга далекого детства, сидела на стуле, вытянув длинные ноги.

— Когда-то мы дожидаться не могли каникул, — сказала она, зевая. — Помнишь?

— Помню, — с удовольствием подтвердила Маргарита Федоровна.

Длинные коридоры школы, портреты на стене и тропинка, вечно убегающая вдаль, желтая, под синим небом. Новые туфельки, запах сирени, учебники на полу. Они бесцельно гуляют по знойным дворам, из одного, будто во сне, переplывают в другой. Агнесса, наклоняясь, срывает цветок. Заглядывая в лицо, смеется.

Смеется. Сорок семь лет уже. Смеется.

— Агнесса!

Город постарел. Искривлены улыбкой пыльные улицы, за дома сворачивая, за магазины.

— Мы тогда все окраины исходили...

— Помню. А еще в детстве собирали рябину. Нанизывали ягодки на нить... Украшения вроде как плели, а перед этим сушили в специальных коробочках, на батарее.

Маргарите Федоровне почему-то представился высокий подоконник и девочка, на нее не похожая, маленькая, с двумя хвостиками, смешными, держит в ладони горсть рябины. Склонив голову, смотрит задумчиво. Холодная, яркая, огненная! Через несколько дней рябина тускнела, становилась жалкой и сморщенной, будто отпечаток на песке, размытый ветром. Будто...

“Рита, ты опять босиком? — кричит бабушка с кухни. — Одень тапочки!”

— “Бабушка, идем гулять”, — отвечает Рита.

Яркие ленты стягивают волосы, юбка взлетает от колен, когда она забирается на подоконник и, встав на колени, пытается раскрыть окно.

“Что ты делаешь!” — кричит бабушка.

Она уже в комнате, в руках — мокрая тарелка.

— Возле нашего дома росла рябина, — вспоминает Агнесса. — Осень... лужи, небо серое, мы бегаем, а карманы тяжелые... А дома так тепло, когда придешь с улицы... Темнело-то рано. Мы приходили домой, играли дома. Дождь в окно стучал.

Агнесса зевает.

“Не трогай раму, не открывай!” — слышится бабушкин голос.

Маргарита Федоровна включила радио и села рядом, за стол. С Агнессой их объединяла дружба и воспоминания. Дружба выражалась тем, что раз в два месяца они встречались, чтобы вспоминать.

“Любовь моя... — запело радио. — Тогда в солнечный день я встретил тебя, ты оглянулась, но меня не любила. Раненный в сердце, я закричал: О-о! Любовь! О-о! Любовь! О-о”.

Многое изменилось с тех пор. Маргарита Федоровна критически, будто оценивая, посмотрела на подругу. Вот Агнесса, все такая же красивая... высокая, стройная, только черты лица чуть обострились, удлиннились разрезы глаз, а волосы собраны на затылке и заколоты, оттеняя тонкий профиль, потемневшие, полураскрытые губы.

— Жарко, — говорит Агнесса. Она сидит вполоборота, нога на ногу, локоть на столе. — Нет ли у тебя сока?

Свои волосы Маргарита Федоровна тщательно завивает. Ей кажется, что так эффектнее.

— Не купила, нет. Тут зеленый чай, с лепестками липы, он холодный.

Еще Маргарита Федоровна любит белые кофты, рукава которых отвисают ажурными складками, крохотные сумочки на золотистых цепочках, сапоги на высоких каблуках, бусы и лаковые брошки внизу воротника.

Агнесса одевается проще. Поверх пиджака она повязывает сложенный треугольником платок, темный, в синюю полоску.

— Помнишь, — говорит Агнесса, — как в школе мы списывали алгебру? Мы сели в разные углы, учебники на коленях. Пока один наклоняется к парте — другой отвлекает учителя. Отрывает тетрадный лист, что-то шепчет, подпрыгивает. Максимовна поворачивает в его сторону голову...

— Максимовна? Ее так звали? Я уже не помню имени.

— Альберта Максимовна. Да, ее так звали, очень смешно. Мы еще смеялись... Ты не помнишь?!

За стеной плакал, протяжно всхлипывая, ребенок.

Торт был хороший, с клубничной начинкой, в шоколадной глазури.

— Держи, — протянула Маргарита Федоровна блюдце. — Сколько всего забылось... имена, люди... Я почему-то помню запахи... А еще, будто все — другое было. Не такое, как сейчас.

— Мне так много не надо, — испугалась Агнесса. — Я худею.

— Худеешь? — она горько усмехнулась. — Зачем?

— Ну, как... форму держать. Надо быть в форме.

“С годами теряется форма, — вспомнилась Маргарите Федоровне вычурная фраза из статьи. — Видимость уходит, стираясь временем. Быть может, смерть — есть та же жизнь, только упрощенная, первородная, без всякой формы. Где-то там, где цвета, и звуки, и ощущения слиты безраздельно”.

— Что-что? — спросила Агнесса. — Ты что-то сказала, нет?

— Пойдем в комнату, там прохладнее.

Вечером, когда Агнесса уехала, Маргарита Федоровна вышла на маленький балкон полить цветы. Розовую лейку она опускала под листья. Под сухие, пожелтевшие на солнце, дряблые цветы. Пахло железными крышами, раскаленными за день, и влажным бельем с нижних этажей.

На прощание Агнесса сказала:

— Звони. Обязательно звони.

Несмотря на жару, она пришла в сапогах и теперь, склонившись, застегивала молнию.

— Не жарко? — кивнула Маргарита Федоровна.

— Стильно! — ответила Агнесса.

А радио вдруг запело: “Твои глаза, о твои глаза, как же я тебя люблю за эти глаза, только будь рядом со мной — всегда, только не бросай меня — никогда!”

— Любимая песня Женечки, — неожиданно сказала Агнесса.

— Женечка... А как у него дела? — спросила Маргарита.

— Да... — одной ногой Агнесса уже стояла в подъезде. — Да как? Учтись. Два года назад собирался жениться. Привел какую-то Машу. А я ему говорю: “Сын. Ты уже взрослый, ты все решаешь сам, все будет так — как хочешь”. Знаешь — он же обо всем мне всегда рассказывает, а я всегда говорю, что все он делает правильно. Он и рад. И тут я говорю: “Сын, поступай, как хочешь. Только подумай... Думать не вредно. Сколько зарабатываешь ты — и сколько она. Тебе еще институт кончать. Не помешает?” — А он мне: “Не помешает!” — “Тогда — вперед!”.

Но тут мой Женечка и почувствовал что-то неладное, спрашивает: “Ма, а ты — против?” — “Нет, — говорю. — Не против...” И что ты думаешь? Не женился он. Ходил, думал, думал. “А ведь и дети могут быть, — подсказала я. — Но это не главное. Ребенок — это даже хорошо. Просто не повторяй моих ошибок, так хочется, чтоб ты был счастлив”. Через месяц он уже забыл про Машу. Гулял с Лялочкой. И то же самое. Тот же разговор. А теперь вот Наташа, ее родители сувенирный отдел в магазине имеют, дача у них — кирпичная.

— Каков расчет! — не удержалась от благородного гнева Маргарита Федоровна.

Нет, кроме воспоминаний, ничего, ничего не связывает ее с этой Агнессой. Где та худенькая, робкая девочка, которая училась с ней в одном классе, с белыми бантами в густых косах, прилежно выписывающая буквы в прописях, которая, танцуя, дольше всех кружится, только гольфы мелькают да руки, широко раскинутые.

Кружишься и падаешь. Лежишь. А все кругом так и вертится, мелькает, приседая, в безумном диком плясе: макушки деревьев, трава, рваные облака, земля... Боже мой! — Так и кружится все. До сих пор. Всю жизнь. Меняя очертания, быстрее, быстрее. “Когда достигнет предела скорость, вот тогда, — подумала Маргарита, — быть может, и наступит смерть”.

— Ты что! — вскипела Агнесса. — Ну, какой тут расчет? Та Лялочка водку по выходным на лавке пьет! В парке!

Среди каруселей, низких стриженных кустов, праздничных людей. В парке! Дети кричат и машут разноцветными флажками. Маленькие собачки на поводках, поджимая лапки, облаивают с визгом встречные сумки. Все идет, единой, яркой толпой, в чаду сигарет, среди ветра теплого, среди волос, рассыпанных по открытым плечам. Идут. И музыка гремит. И шары дрожат на тонкой ниточке...

— А Маша, так та — вообще ребенка имела. Да не одного — двух! И будто младший, ты только подумай, — от Женечки! Да быть такого не могло! Он ведь у меня — вежливый. Нет, что ни говори, но осторожность нужна. Не более.

Агнесса ушла. Вниз по лестнице, бойко выстукивая каблуками, будто оттачивая неизвестную технику виртуозной игры на ступенях.

“Сосед играл на баяне, — подумала Маргарита Федоровна. — Каждый человек — на чем-то играет. Хотя бы на ступенях. Отбивая сапогами ритмический рисунок”.

Когда она вышла на балкон — сумерки мягко, пуховым платком, окутывали город. Где-то за домом сигналили машины.

— Осторожнее, осторожнее! — кричал женский голос.

Потом все стихло.

“Каждый играет... — продолжали расслабленно виться мысли. — Быть может, Агнесса и права, зачем, к чему...”

К чему переходить улицу селиться в домах а где-то под тучами звезды горят машины сигналият гудки отрываясь ухают в пустоту... в черную.

Ночью Маргарита Федоровна спала беспокойно, ей чудились шаги, ровный шепот; какие-то голоса звали на помощь и, как только она открывала глаза, — тут же замирали в земистой, вязкой темноте комнаты.

Откуда-то из угла появилась бабушка.

“Ты босиком? — спросила она. — Надень тапочки”. Громко тикали часы, проданные пять лет назад. “Нет”, — ответила Маргарита Федоровна, и тогда бабушка заплакала неожиданно тонким детским голоском, заплакала, осев на пол и опустив лицо в подол широкой юбки.

Маргарита Федоровна проснулась.

Никого. Только неясные, размытые темнотой очертания предметов: книжный шкаф, круглый стол. Никого!

Плакал за стеной ребенок.

Черные тучи бесшумно плыли за окном.

“Ну, это же невозможно! — возмущенно подумала Маргарита Федоровна. — Сколько можно?! Целый день! Всю ночь!”

Она встала. Нажала кнопку выключателя. Остро брызнувший с потолка свет остановился на круглом столе... Блюдца, чашки...

С кресла, где сидела Агнесса, чуть сползла накидка. И тут Маргариту Федоровну словно прорвало. Мысли оцетинились, взрывающиеся логикой и негодованием.

Как так?! Как так ребенок без перерыва плачет несколько часов? Если он болен, нужен врач, нужно вызвать врача. О чем думает мамаша, веселую жизнь устроила она, а ведь утром бежала, расфуфырилась, прыг-скок, соседи вообще-то спать хотят, а не концерты выслушивать... Вот рожают, а потом — ой, мне некогда, надо в магазин, надо на танцы, надо отдохнуть, погулять, выпить водки, сходить в гости, в театр, в бар, а я-то говорила, я-то сразу поняла, что это за штучка объявилась! Гуляла направо-налево, потом родила, что делать с ребенком — не знает, а делать что-то нужно... ну капризничает он, успокаивать, ну заболел — врача вызвать, да куда ей, дуре, догадаться обо всем об этом.

К утру Маргарита Федоровна была убеждена: соседки не было дома всю ночь. Бросив детей, ушла развлекаться. Сидит в каком-нибудь ресторане, пьет... А то и танцует, обняв партнера и прижимаясь к нему всем телом... А может быть, даже... ведь так никто и не знает, чем занимается эта соседка... “Если бы Игорь был дома, — подумала Маргарита Федоровна. — Я бы спросила его: что делать будем?” Но Игоря не было. Он уехал по работе на целых три дня.

Детей, однако, было жалко. Чуть помедлив, Маргарита Федоровна вышла в подъезд и позвонила к соседям. Никто не открыл. Маргарита Федоровна позвонила еще раз, вдавливая и не отпуская кнопку до тех пор, пока не услышала тонкий голосок.

— Кто там? — тихонько спросили за дверью. Кажется, старший мальчик.

— Соседка. Открой, не бойся. Вы что — одни дома?

Помолчав, мальчик ответил:

— Мама не разрешает открывать. Никому.

— Твоя сестренка плачет. Может, я помогу?

— А вы кто, тетенька?

— Соседка... — Маргарита Федоровна старалась говорить с ласковой осторожностью, словно бы крадучись.

— Не тетенька. Соседка, — казалось, он что-то сосредоточенно обдумывает.

Потом все же дверь приоткрылась.

И Маргарита Федоровна шагнула в темное, душное пространство чужой квартиры. Утренний серый свет падал от невидимого окна...

— О-о-о, — не удержалась от реплики Маргарита Федоровна, так в комнате было грязно, не прибрано.

“Чего и следовало ожидать...”

Одежда, детские колготки, рубашки разбросаны повсюду: на диване, и в кресле, свисают из полураскрытого шкафа. Какие-то коробки на полу, игрушки под ногами, велосипед трехколесный перевернут на бок. Вместо штор — окна закрыты газетой, желтой, пыльной. Будто не живут в этой квартире, или жили когда-то давно, а теперь уехали, бросили всё, как есть, прервав торопливые сборы.

Забравшись в кресло, мальчик рассказывает:

— Таня прыгала из кухни в комнату, а из комнаты в кухню, а потом взяла велосипед и поехала, а мама говорила, чтоб без нее не катались, вот и я говорю Тане: “Ты не катайся”, я ей так и сказал, что нельзя, а она — все равно поехала. Из комнаты в кухню, а из кухни в комнату, и еще вокруг стола, я говорю, что нельзя, что мама сказала, а она говорит: “би-би”, и больше ничего не говорит, я хотел вырвать у нее велосипед, а она поехала на кухню.

Девочка лет трех, красная от слез, сжавшись, лежит на детской кровати, в углу комнаты, прикрытая каким-то халатом так, что ее почти и не видно, только слышно шумное дыхание, словно в любой момент она готова расплакаться снова.

— Потом поехала в комнату. А я говорю — хватит, я маме расскажу, вот обо всем расскажу. И тут она упала. Наехала на что-то.

— А где ваша мама? — прервав, спрашивает Маргарита Федоровна.

— Она? На работе.

Сложив руки, мальчик сидит неподвижно в кресле, колени его штанов протерты, а рубашка застегнута только на одну пуговицу.

— А я на кухне был, еще не успел вернуться. Только слышу — грохот.

— Как? Ваша мама так рано на работу уходит?!

— Да нет, она еще вчера ушла. Говорит, посидите одни, а я скоро вернусь. А мне говорит: “Следи за Таней, чтоб она не бегала и на велосипеде не каталась”. Пусть, говорит, в кубики играет. И мне сказала не бегать. А я и не бегал.

“Ушла вчера! Дети — весь день и всю ночь были одни!” — это так поразило Маргариту Федоровну, что все остальное она слушала невнимательно, словно через какую-то непроницаемую пленку. Далеким, временно несуществующим становился для нее и мальчик, и его рассказ, и эта комната, серый свет туманного утра; однако, перед тем как полностью погрузиться в чувства, она успела задать еще один вопрос:

— Где же работает ваша мама?

— Она? На работе работает.

Когда-то в этой квартире жил строитель. Никто не мог сказать, зачем и куда он уехал, быть может, он даже умер, но точно этого никто не знал. И теперь Маргарита Федоровна вдруг ясно почувствовала его присутствие. Слово невидимо он стоял где-то рядом и смотрел.

Потом она поняла: нет его тут. Конечно, нет.

Где-то далеко, вне мира, расчерченного квадратами квартир, судеб, детских разбросанных кубиков, вне этого бесконечного, черно-белого хаоса, сидит усталый строитель, чуть склонившись, с последним квадратом на коленях.

А ребенок все рассказывает, в болезненной оживленности блестят его глаза. Кажется, он совсем не удивлен, что пришла какая-то незнакомая тетенька с озабоченным лицом и вздыбленными, будто в пляске, изогнутыми волосами. Пришла, и села на край дивана, и слушает. Будто он ждал, догадываясь: так оно и будет, случится. Хотя бы во сне. И мама придет. Дрогнет в двери ключ. Хотя бы во сне. Но Таня плакала, он не спал. Он говорил: “Тише, дура! Да засни же!”. Обняв руками подушку, слушал малейшие звуки, шорохи в подъезде. Вот кто-то идет. Мимо. Шаги нарастают. “Цок-цок-цок”. Стихли.

А на улице кричит кошка. Кошку жалко. Она совсем одна.

“Тише, Таня. Бай, бай, — говорит он. — Хватит. Ведь скоро придет мама”.

Хотя бы во сне.

“Она придет и принесет конфет. Знаешь, шоколадных”.

Но мама не вернулась. Нагрязнула тетенька — то ли в самом деле, то ли во сне, которая говорит, что она не тетенька вовсе, хотя и похожа. Вот она встала, на кухню пошла.

— Что же вы ели? — спрашивает. — В холодильнике-то пусто!

— А? Да вон, хлеб. Таня не захотела, — торопливо рассказывает мальчик.

Торопливо, будто вот-вот все исчезнет, как недолгий сон, как машина, что проехала за окном. Машина едет. По улицам, мутным, фары горят. Остро.

— Даже колбасы нет. Ни сыра, ни сметаны. Ничего.

Через некоторое время Маргарита Федоровна вернулась к себе, домой.

Хорошо дома! И цветы на подоконниках, и кресла мягкие, скатерть со стола — пола касается. Она прошла к плите, поставила кастрюлю. Надо было детей накормить, и Маргарита Федоровна решила сварить им кашу с молоком, такую, какую в детстве ей варила бабушка. Пока она отнесла им бутерброды и мармелад, большую чашку горячего какао; помогла переодеться.

— Каков беспредел! — думалось все время. — Работает или гуляет — сутками, а дети одни, брошены.

— Мама говорила, что придет скоро. Вот мы и ждем.

Таня сидела рядом с братом, прислонившись к нему, и смотрела на чашку. Но та не остывала. В это время в квартире Маргариты Федоровны зазвонил телефон, и она побежала, на ходу вытирая о фартук руки.

— Да! Алё! Агнесса, ты?

— Доброе утро... — зевнула Агнесса. — Слушай, ну как дела? А мне тут приснилось... кое-что. Вчера неплохо посидели, да. Кстати, я вспомнила, как фамилия географа, того самого, что с указкой по коридору вечно ходил, и мы его звали “Буратино”. Он еще...

— Агнесс! Тут такие дела! — не выдержала Маргарита Федоровна, пребывая на самом интересном месте.

— Да? Что? — встрепенулась Агнесса. — Что-нибудь случилось?

— Случилось, — для значимости Маргарита немного помолчала. Потом заговорила, быстро, с возмущением:

— Ну, семейка. Эта, молодая, развлекается — сутками. Дети одни, одеты не знай во что, дома беспорядок, есть нечего. А сама она, вы посмотрите, вырядилась, поскакала! Видела ее вчера — в белой кофте, расфуфыренная... Да лучше бы она еды купила!..

— Ну, ну, ну! — с азартом повторяла Агнесса. — Да ты что!

Потом Агнесса сказала:

— Вот-вот. Они сейчас все такие. Я Женечке и говорю: “Сын. Будь осторожен. Не повторяй моих ошибок”.

“Ошибкой” Агнесса считался муж, с которым она уже давно развелась и который жил с тех пор в гордом одиночестве, проклиная всех женщин. Вечерами он смотрел программу “Несчастные случаи”; был сух, строг и очень въедлив.

“Сам виноват, — говорила ему Агнесса. — Нечего было командовать. Я не супчик нанималась тебе варить!”

Время от времени он звонил. Узнать, как дела у сына, и заодно высказать претензии, обросшие густой фантазией и пропитанные обидой.

“Я не был с тобой счастлив”, — повторял он, не стесняясь.

“Милый мой! — не выдерживала Агнесса. — Оттого мы и развелись”.

“Вот вспоминаю. Ты мне ни разу не сварила супчик”.

Непростительная ошибка: “С любым, нормальным, разойдешься — и концы в воду. А этот надоедает. Звонит и звонит”.

— Особенно сегодня, с утра. Приспичило. Женечку зовет, а Женечки нет дома, он в парк с Наташей пошел. И что надо ему — не поймешь. Вечно насмотрится по телевизору всяких ужасов, а потом психует. Супчик, мол, ему, не сварили. Десять лет назад.

Солнце уже нагревало крыши домов, разливаясь ярко по мостовой, по кроне ровных, стриженных кустов; все жарче становилось кругом и печальнее.

Мерцала в подъезде лампа. Мчались за домом машины. Желтый свет — падал от окна. Дети ели кашу, а Маргарита Федоровна мысленно рассуждала сама с собой. Ей казалось, она разговаривает с невидимым, сочувствующим собеседником, который внимательно слушает ее речь, наполненную праведным гневом, точно костер — сухими ветками.

— Что-то случилось? — спрашивал собеседник. — Расскажите подробнее. Эту женщину надо посадить в тюрьму.

И Маргарита Федоровна с готовностью рассказывала: “Эту гулящую, — говорила она, — вот именно, ждет тюрьма, за такое судить пора... Скоро полдень, а ее нет. Ее не было всю ночь...”

В прихожей что-то скрипнуло.

— Мама! — закричали одновременно дети. Бросились к двери. — Мама пришла!

“А, — договаривала Маргарита Федоровна, вставая из-за стола. — Вот она и явилась. Полюбуйтесь”.

“За такое, — отвечал угодливый собеседник, — и тюрьмы мало”.

Но в прихожей — стояла не мама, а посторонняя женщина. Прижимая к себе сумку, в сером костюме, чуть о дверь опираясь, с улыбкой. Не мама.

— Так. Здесь проживает гражданка Мария Андреевна? — и посмотрела недоверчиво. — А вы кто? Соседка, что ль? Мило.

— А вы?

— Я медсестра из девятой городской больницы, — сказала женщина и прошла в комнату. — Так... Мило! Дети не одни были. Так и думала. А главный все равно сказал, чтоб поехала. Столько дел — и сюда еще.

Время от времени медсестра повышала голос и произносила: “мило!” — с острой звонкостью, от которой холодно становилось и тоскливо.

— Они ж не одни были — вы пришли. А она волновалась. Как очнулась, так сразу в истерику. Я говорю: “Мир не без соседей”. А она — мило! — не слушает, свое твердит. Ну, тут и главный... А случилось это вчера, — продолжала медсестра, — вчера к нам доставили женщину — ее сбил нетрезвый водитель. Она по тротуару шла, на работу. А он вдруг выехал, резко развернулся... Да вы, наверное, слышали, в “Несчастных случаях” рассказывали.

Где-то, этажом выше, яростно и монотонно засверлили.

— Ну и соседи, — возмутилась Маргарита Федоровна.

Она подошла к батарее и постучала детским ботинком по трубе.

Все стихло.

— Несколько пострадавших, — словно зачитывая отчет, чеканила медсестра. — Особенно сильные травмы были вот у их мамы. В сознание только сегодня пришла. Так сразу о детях... Такой шум подняла! Дети, мол, у нее дома одни. Мило! Маленькие дети — и одни. Тут бабушке позвонили, ее матери, чтоб приехала. Она и едет. Но живет далеко... За городом.

Когда она ушла, Маргарита Федоровна прибралась на кухне. Помыла посуду и подмела пол. Дети, забравшись в кресло, смотрели мультики, и веселые крики ловких бандитов так и рвались из телевизора. Таня смеялась и хлопала в ладоши. А вскоре приехала бабушка, Елена Владимировна. Сдержанно поздоровалась и, не снимая туфель, прошла в комнату.

“Какая, — подумала Маргарита Федоровна. — Не иначе как актриса”.

Бабушка была невысокого роста, но очень изящная, с крупными перстнями на худых пальцах. Ее голос, низкий, мягкий, доносился из комнаты, прерываемый всплеском детских, тонких голосочков.

— Наверное, пора идти, — заметила Маргарита Федоровна.

Она заглянула в комнату, и бабушка встала навстречу.

— Извините, — сказала она медленно, в задумчивости. — Мы вас задерживаем. — И на прощание: — Спасибо.

Спасибо. Спасибо, но — не более! И губы ее при этом были строго стянуты, будто в узелок собраны, а глаза, чуть прищуренные, смотрели холодно и высокомерно.

“Ну и дела, что ни говори, а с соседями нам не везет, — уже дома размышляла Маргарита Федоровна. — Тоже мне. Приехала”.

С улицы, сквозь штору, проникал красноватый свет, разбавлял тонкие тени яркими брызгами светящихся капель, и все кругом было какое-то пятнистое, взъерошенное, будто пролили что-то лишнее. От этого беспорядочного свечения квартира казалась не такой уже прибранной, это раздражало и одновременно успокаивало так, что хотелось спать. Странное сонное беспокойство. Как будто идешь быстро, почти бежишь — и вдруг понимаешь: шаги ровно падают на то же самое место. И все кругом — то же самое, до боли знакомое и страшное в этой своей неизменности. Все уходит, будто в дымке исчезает — а город, а этот дом, а лестница, а половики под дверями застыли, как и прежде, неподвижно!

Когда-то в квартире напротив жил строитель. Та самая дверь, те самые стены. Что за ними — никто не знал...

И вот Маргарита Федоровна уже идет по знакомым улицам. Шуршат под ногами осенние листья, и Агнесса, невысокая, в белом берете, смотрит весело по сторонам. Многоточиями света сверкает рябина, а где-то в подвале пищат котята, утопленные много лет назад.

Жмется под лавку замерзшая кошка. Кошку жалко. Она совсем одна.

Склонив ветку, они срывают рябину, горькую, красивую. Но странно, тут же, от одного только прикосновения — ягодки меняются. Свертываясь, серыми становятся и сухими, будто песчаная пыль.

Они сыплются вниз с ровным, приглушенным свистом, словно робкие шаги на лестнице. А котята пищат. А кто-то будто играет на инструментах, бойко выщелкивая точный ритм, упорно совершенствуя неизвестную технику виртуозной игры. А котята пищат...

То лестница поет...

Она веками пела.

Как страшно! Маргарита Федоровна слышит: само по себе — все кругом наполнено звуками, она пытается различить свой звук, который и до нее мерцал и после — останется только звук, один звук из аккорда, но сосед — мешает, он где-то ходит, под светом осенним тусклых фонарей, и его шаги, гулкие, откликаются напряженно в пустых улицах. Все громче.

Маргарита Федоровна поняла: она заснула, и что давно уже звонят в дверь. Она поспешно встала и спросила:

— Кто? — скорее для формы, поскольку в глазке увидела Елену Владимировну, холодновато-вежливую бабушку соседских детей.

— Простите, а как вас зовут? — теперь бабушка была в фартуке и держала корзиночку с печеньем. — Вот, возьмите, пожалуйста.

— Нет, нет, — замахала руками Маргарита Федоровна. Она принципиально принимала подарки только в двух случаях: в свой день рождения и на Новый год. Получать подарки в другое время ей казалось неприличным.

— Нет, — с твердостью повторила Маргарита Федоровна. — Спасибо. Но я не возьму.

— Да? — Елена Владимировна будто расстроилась. — Ведь это развесное. Я из дома везла. Оно самое лучшее, особенно если с вареньем.

Теперь она стала какая-то домашняя, в тапочках, в темной юбке, да еще с печеньем. Руки казались мягкими, а лицо округлым.

— Как дети? — спросила Маргарита Федоровна, может быть, из любопытства и сочувствия.

— Спят... Ваня-то не сразу мог заснуть. Да они устали. К Маше днем поедем, навещать. Мы вас, кстати, знаем. У вас цветы на балконе красивые. Маша рассказывала: когда дети домой возвращаются — на балкон соседки все любят. Ваня тоже так хотел. Горшочки купили. Да не успели посадить, не успели. Тут с работой...

— Она работу не могла найти?

— Когда переехала, вернее, когда с тем разошлась, я говорила, предупреждала, что он... Она не верила, и вот теперь... — принялась было рассказывать Елена Владимировна и вдруг — остановилась.

— Простите, — говорит, — но это долго. Вы вот печенье возьмите.

Маргарита Федоровна оскорбилась:

— У вас внуки одни всю ночь были, а вы мне про печенье.

И тут же подумала: “Так вот в чем тут дело. Этот, от которого дети — тип еще тот. Таких, как он, поискать еще надо. Негодяй! Как же я раньше не догадалась?”

Зазвонил телефон, пронзительно, словно его разрывали.

— Да! — сорвала трубку Маргарита Федоровна, и частые гудки обрушились, монотонно пульсируя.

Тогда, чтобы сохранить настроение, она набрала номер Агнессы. Хотелось рассказать обо всем, обо всем. О том, как раскрылась, наконец, правда. А также пригласить ее вечером в гости. Посидеть, отдохнуть...

— Алё, алё! — голос Агнессы был какой-то взвинченный, Маргарита Федоровна даже испугалась немного.

— А, это ты... Рита? Слушай! Это ты?..

— Да! Как дела? А тут оказалось не то, что мы думали...

— Про что? — спросила Агнесса, будто уже забыла вчерашний день.

— Да вот, соседи-то...

— А... Потом поговорим! — такой сердитой Агнесса давно не была. — Что происходит, не пойму. Муж-то мой до Женечки дозвонился. А Женечка, как поговорила — так сразу собираться стал. “Что? Куда?” — спрашиваю, он не отвечает. Потом в окно смотрю — такси взял и уехал. Уехал!

— О... — с сожалением протянула Маргарита Федоровна. — А я думала — чай поьем сегодня.

— Наташа тоже не знает. Никто не знает. Муж молчит.

— Ага, молчит. Так он... молчит! А ты знаешь, соседка оказалась... порядочной. А вот отец детей...

— Все они такие, не говори! — оживилась Агнесса. — От чего я Женечку берегу? Говорю ему: “Сын, будь осторожен!”. А что тот отец?

— Бросил. А сам — жизнью наслаждается.

— Ничего другого и быть не может! Таких мужчин в конуру бы на цепь сажать. Вот их место!

“Что в мире творится — не передать!” — думала Маргарита Федоровна после разговора с Агнессой, когда готовила ужин и мыла посуду. А потом вышла на балкон полить цветы и, вздрогнув, замерла с поднятой лейкой.

Ей показалось, что вдоль дороги, к подъезду, быстрым шагом идет Женечка, сын Агнессы. И было кругом так тихо, только дома многоэтажные словно выбегали из тумана своими светлыми окнами.

Вот он прошел под балконом... В подъезде хлопнула дверь... Шаги. Громче... Радостные крики в соседней квартире, там, за стеной!..

Маргарита Федоровна медленно зашла в комнату. Закрыла балкон и обреченно опустилась в кресло. Штора упала куда-то вниз, к батарее, — и обнажилось окно.

Ясный холодный день. Осень — хотя деревья все еще стояли в листьях, и небо было солнечное.

Почему осень? Маргарита Федоровна хотела встать, но не смогла приподняться. Почему-то вспомнилось детство. Они с Агнессой идут по длинной, бесконечной улице.

— Давай соберем бусы, — говорит Агнесса. — У каждой бусинки — свое место. Хорошо ведь так? И правильно!

— Давай, — отвечает Маргарита и уже держит готовые бусы в руках. Хочет рассмотреть ближе, поднести к глазам — и в это время, от одного только движения — нитка разрывается.

И ничего...

Только красные, будто капли крови, рассыпанные ягоды. Ничего больше...